

**НОВЫЕ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ТАИНЫ**

ЕКАТЕРИНА
ОСТРОВСКАЯ

**ЖЕЛАТЬ
НЕВОЗМОЖНОГО**

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-77

Оформление серии *А. Дурасова*

В оформлении обложки использован
городской пейзаж «Уголок на Петроградке» (2014 г.)
художника *Олега Ильдюкова*

Островская, Екатерина.

О-77 Желать невозможного / Екатерина Остров-
ская. — Москва : Издательство «Э», 2017. —
384 с. — (Новые петербургские тайны).

ISBN 978-5-04-089176-4

Даже после трагической истории первой любви жизнь Елены Игнатьевой могла сложиться вполне счастливо, если бы не безумная ревность ее мужа. Чтобы сохранить остатки достоинства, Лене пришлось уйти от Бориса Флярковского — одного из богатейших людей России... Через несколько лет смерть постигла их обоих — его яхта была взорвана в открытом море, а она не перенесла операцию на сердце. Согласно завещанию Елены опекуном над ее маленьким сыном назначен Олег Иванов, тот самый человек, которого она так любила в юности. Согласно завещанию Флярковского все его имущество должно перейти к единственному сыну...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Островская Е., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017
© Ильдюков О.Е.,
иллюстрация, 2017

ISBN 978-5-04-089176-4

ТАТЬЯНА УСТИНОВА

Удивительный парадокс — «Желать невозможного»!

На самом деле меня невозможно остановить, когда я вознамериваюсь лететь в отпуск на теплое море — непременно в Турцию. Конечно, это не ново, не модно, не патриотично и вообще не подобает: нужно-то хотя бы в Камбоджу, а лучше к Францу-Иосифу, но я не хочу ни на родину Пола Пота, ни к северным архипелагам! Но так получилось, что в этом году я не была на море. И в прошлом тоже не была. А по мне лучшее средство от тоски — хороший детектив!

Я уже читала и рекомендовала вам книгу Екатерины Островской. «Темница тихого ангела» произвела на меня сильное эмоциональное впечатление. И я, ни секунды не сомневаясь, принялась за роман «Желать невозможного» — в надежде на это самое невозможное. Все сложилось так, что эта книга стала для меня чем-то вроде долгожданного отдыха на море. В нее погружаешься с головой, начиная с самой первой страницы! И никакого желания вынырнуть не возникает. У Островской получилось создать совершенно чудесную, как всегда быструю, захватывающую и очень оптимистичную книгу, в каждой странице которой однозначно читается мысль: все будет хорошо, ведь мир огромен и

прекрасен. И достойных, сильных, великодушных, готовых прийти на помощь и поддержать тебя в самые трудные минуты людей на этом свете все еще и всегда будет предостаточно. И, конечно же, те двое встретят друг друга!..

А еще Екатерине Островской в этом романе совершенно играючи удалось ответить на, пожалуй, основополагающий вопрос, со времен Лермонтова будоражащий отечественную литературу, — «кто он — герой нашего времени?». И что этот самый герой появился именно в «Желать невозможного», для меня совершенно не удивительно, несмотря и вопреки тому, что детектив традиционно считается у нас легким жанром. Ведь детектив — в отличие от всей остальной литературы — отражает происходящее здесь и сейчас, вот в эту самую минуту нашей жизни, пусть и в чуть-чуть параллельной действительности. Ну а если «здесь и сейчас», то и герой тоже «здесь и сейчас» — в нашем времени. У автора получилось это почувствовать, схватить и записать. Хороший врач, бывший опер, талантливая певица, внезапно обретший популярность художник, медсестра, олигарх, таинственный серый кардинал — все они в равной степени герои нашего времени.

Да и сама детективная интрига по-прежнему остается на высоте: «Желать невозможного» стопроцентно держит марку!

Скоро я, может быть, все-таки поеду на теплое море. И тогда обязательно возьму с собой новый роман Екатерины Островской. С ней, я уверена, отпуск будет что надо!

Плохо, когда отпуск закончился, а лето еще продолжается. Надо спешить на работу, а голова переполнена воспоминаниями о теплом песке, согревающем живот и душу, о ласковых волнах, набегаящих на берег, перекатывающих осторожно мелкую гальку, о вечернем ветре, приносящем с побережья ароматы шашлыков и крики счастливых людей. Самое противное, что, вернувшись домой, ощущаешь себя иным человеком, а родной город остался прежним — разве что стал еще более душным.

Олег вернулся домой поздно вечером. Двое суток трясся в переполненном поезде, сидя в купе, в котором не работал кондиционер, и две пожилые попутчицы, везущие домой внуков, вели нескончаемый разговор о своих детях и болячках. У Олега хватило ума не проговориться, что он врач, а то дорога превратилась бы в настоящую пытку. Попутчицы, правда, были не такими уж и старыми, им едва ли исполнилось по пятьдесят. Обе, несмотря на духоту, облачены в джинсы и обтягивающие маечки. Их внуки носились по коридору в компании других быстроногих детей. Попутчицы пили домашнее красное вино, кото-

рым с избытком запаслись на обратную дорогу. Предлагали присоединиться к вакханалии и Олегу, но тот отказался, сославшись на слабое здоровье.

Одна из дам, в маечке с надписью «*Я ненавижу ДОМ-2*», внимательно осмотрела шорты Олега, потом его мускулистые ноги и спросила:

— А сколько вам лет, молодой человек?

— Тридцать пять, — признался Олег.

— Да-а, — протянула попутчица, — всего-то. А вот я, когда мне было тридцать пять...

Она задумалась над тем, что бы ей такого со-
врать.

Но Олег опередил ее.

— Я не сомневаюсь, — сказал он.

И вышел в коридор, где были приспущены стекла окон и ветер трепал блеклые занавески.

— Ты видела? — прозвучало в оставленном им купе. — Мы ему не компания. И вообще, в отпуск один ездил. Злой: видать, ничего ему там не обломилось.

— Да кому такой нужен!

Противно слушать, но это была правда.

С вокзала Олег добрался домой на такси, истратив почти все оставшиеся после отпуска деньги. Дома, оставив чемодан в прихожей, залез в душ, а потом в постель, и перед тем, как заснуть, удивился тишине: не слышно что-то привычных воплей из ближайшего кафе, в котором женские голоса соревновались в исполнении ка-
раоке.

Хо-ро-шо! Все будет хорошо!!
Все будет хорошо,
Я это зна-аю...

Женщины всегда все знают наперед, непонятно только, почему они всегда ошибаются.

Хотя некоторым из них ошибаться, судя по всему, нравится. Только такие Олегу Иванову уже давно не попадались. О чем он иногда жалел.

2

В отделении ничего не изменилось, все так же пахло лекарствами, и запах этот показался Олегу родным и знакомым настолько, что у него защемило сердце. Он чувствовал, что вернулся в привычный мир, из которого не скоро теперь вырвется.

За стойкой дежурной медсестры сидела волоокая красавица Кристина и болтала шепотом по служебному телефону. Она была высокая, и вообще природа одарила ее с избытком.

— Ой, здравствуйте, Олег Богумилович, — обрадовалась Кристина, поднимаясь со своего стульчика.

Верхняя пуговка коротенького халатика как бы случайно сама собой расстегнулась. А может, и не случайно: одаренным природой людям очень сложно прятать свое богатство за пазухой.

— Ой, ну как вы отдохнули? — поинтересовалась медсестра.

Обращение к врачам-мужчинам, особенно к молодым, она всегда начинала с этого «ой!», причем произносила короткое междометие протяжно, с придыханием и вроде как удивленно. Для

больных в ее арсенале было короткое и повелительное «ну!».

— Хорошо, — ответил Олег.

И положил на стойку колечко для ключей с брелоком в виде маленькой розовой ракушки.

— Это тебе, Кристина.

— Ой-й, — задохнулась от счастья медсестра, и уже вторая пуговка спешила расстегнуться, а может, и вовсе оторваться. — Спасибо. Какая прелесть!

— По служебному не болтай много, — посоветовал Олег.

В ординаторской за столом сидел дежурный врач Колыванов и пил чай. На блюдечке перед ним лежали кружки засохшего лимона и пара холодных хот-догов.

— Присоединяйся, — предложил Колыванов.

— Дома позавтракал, — ответил Олег.

— Ну, как знаешь, — вздохнул Колыванов.

И с отвращением протянул руку к хот-дому.

Больше дежурный врач ничего не сказал, ничего не спросил, как будто коллега не вернулся из отпуска и ему нечего рассказать о своих похождениях в теплых краях. Олег и ему дал колечко с брелоком-ракушкой. Колыванов кивнул, принимая подарок, более увлеченный разглядыванием холодного хот-дога, раздумывая, с какой стороны его лучше откусить.

— Что у нас нового? — поинтересовался Олег.

Колыванов задумался, припоминая, но, по видимому, ничего вспомнить не смог, а потому молча пожал плечами. Вскоре стали заходить и другие прибывающие на работу врачи, и каждому Олег вручал по брелоку.

Не прошло и часа, как в ординаторскую заглянула заведующая отделением Куликова.

Увидев Олега, она кивнула ему:

— Зайдите ко мне, Иванов. Прямо сейчас.

Олег пошел вслед за Валентиной Дмитриевной, полез в карман халата за сувениром, но брелоки уже закончились. Он вошел в кабинет начальницы уже без особой уверенности и закрыл за собой дверь.

— Значит, так, — произнесла Валентина Дмитриевна, надевая халат, — сейчас пойдешь к главврачу и распишешься в приказе на замещение.

Это было неожиданно: обычно, когда заведующая отделением уходила в отпуск, ее замещал Колыванов. Неужели врач с двадцатилетним опытом теперь не заслуживает доверия? Но тут Олег вспомнил, что Куликова уже была в отпуске, и удивился:

— А кого замещать надо?

— Заведующего кардиологическим отделением.

— Грецкого, что ли? Чего я забыл в кардиологии?

Куликова вскинула брови:

— Иванов, я вас не понимаю. Вам оказывают доверие. Скажу больше: со мной уже советовались на предмет того, чтобы поставить вас в резерв на выдвижение. Вполне вероятно, что Грецкий уйдет на преподавательскую работу. Должность станет вакантной, а вы хороший врач, у вас прекрасные показатели — руководство просто хочет проверить ваши способности к руководящей работе.

— Я подумую.

— Это никогда не помешает, — согласилась Куликова. — Только сейчас от вас этого и не требуется. Распишитесь на приказе, и вперед в кардиологию!

Валентина Дмитриевна посмотрела на подчиненного, и Олегу показалось, что смотрит она на него тем же взглядом, какой был у попутчицы в поезде.

— Послушайте меня, Олег Богумилович, вам тридцать пять лет. Вы — прекрасный врач, но все, включая медсестер, называют вас промеж себя просто Аликом, а чаще и того хуже — Оби.

— Я знаю, — согласился Олег. — Оби — это аббревиатура от начальных букв имени, отчества и фамилии. Что тут обижаться — вас, например, и вовсе КВД называют.

Это он, конечно, зря сказал: Куликова — хорошая баба. Хотя и была замужем трижды. Нынешний муж моложе ее на семь лет, он даже младше Олега, получается. Счастливый молодой муж — тоже врач, у него частный венерологический кабинет.

3

Аркаша Грецкий собирался в отпуск.

— Мы с женой давно хотели в Италию. В Турции были три раза, в Испании — два. На Канарах в прошлом году побывали. Теперь вот выбрали Римини. А говорят, что неподалеку от Римини аэродром НАТО и вражеские самолеты летают прямо над пляжем. Что ты думаешь по этому поводу?

Грецкий явно издевался, зная, что Иванов за границей не отдыхает.

— Думаю, что вряд ли они будут бомбить свои же пляжи.

— Ну, да, — согласился Аркадий, — но гудят все равно громко.

То, что замещать его прислали именно Олега, для Грецкого стало неожиданностью. Может быть, даже неприятной. Они учились на одном факультете, на одной кафедре, только на разных курсах: Грецкий поступил на год раньше. Но в компаниях за столом встречаться приходилось. Тем более что Грецкий в процессе учебы женился на Агате Шкловской, с которой у Олега был непродолжительный роман. И хоть Аркаша, как выяснилось впоследствии, оказался мужем не ревнивым, Иванова он недолюбливал. Может, Агата как-нибудь невзначай проговорила и сравнила, а может, по другой причине.

— К тому же в Италии обувь очень хорошая, — вспомнил Грецкий. — Я себе ботиночки прикуплю, может, даже две пары. Агате присмотрим чего-нибудь.

— Как она? — спросил Олег.

— Нормально, — равнодушно ответил Аркаша, — босяком не ходит.

У Грецких было трое детей, и все — мальчики.

Вернувшись домой, Олег занялся первоочередными делами: разобрал чемодан, все, что влезло, засунул в стиральную машину и сел курить на кухне. Смотрел во двор, который умылся розовыми лучами вечернего солнца, и

вспоминал море. Негромко гудела машина, и вдруг Олег понял, что произошло сегодня. Ему не намекнули, а впервые в открытую сказали: жизнь вскоре изменится. Вполне вероятно, его могут назначить заведующим отделением, а это не только значительная прибавка в зарплате, но и совсем другая жизнь: то есть жизнь останется прежней — она будет его собственной, как и была, по крайней мере внешне, но внутреннее содержание станет иным. И это обстоятельство, этот еще не свершившийся факт, сама возможность перемен взволновали Иванова настолько, что он открыл привезенную с юга бутылку «Лыхны» и не спеша выпил ее в одиночестве и в радостном предвкушении чего-то огромного, куда более светлого, чем простое повышение по службе.

Пятница должна была стать последним рабочим днем для Грецкого. Ранним утром в субботу он с Агатой уже улетал в Римини. Но пока только вторник, и у Олега оставалось четыре дня, чтобы принять дела, познакомиться с персоналом, осмотреть больных и вникнуть в истории болезней.

Во вторник утром Иванов пришел в отделение кардиологии. Полчаса, правда, пришлось ждать Грецкого, который, появившись в дверях, стремительно пролетел по коридору, кивнул Олегу и, уже открывая ключом дверь своего кабинета, восхитился:

— Сейчас во дворе видел сестру из твоего отделения: это что-то фантастическое.

Олег сделал вид, будто не понял, но Аркаша не поверил ему.

— Ну, Кристина! Чего ты притворяешься. Или у тебя что-то с ней было?

— Да ладно, — поморщился Иванов.

— По глазам вижу, что было. Может, и сейчас есть. Слушай, Алик, когда освободишь девчонку, скажи мне, а то ведь у нас орлов много — вмиг перехватят.

— Она и сейчас свободна. Особенно на работе. Даже слишком.

— Да-а? — усомнился Грецкий. — А я в отпуск, как назло. Будем надеяться, что за месяц ничего не изменится.

Вдвоем выпили кофе, принесенный сестрой-хозяйкой, поболтали немного, а потом пошли на обход.

Олег переходил из палаты в палату, слушая жалобы больных и то, что ему говорили лечащие врачи. Так продолжалось достаточно долго, обход затягивался, потому что новому начальству и новому врачу все пытались рассказать то, что до него и так уже всем надоело. Наконец они вошли в палату, где лежали две женщины.

— К операциям их готовим, — объяснил Грецкий. — Одну из операций будет делать сам Владимир Адамович Шумский.

Это он сказал не замещающему его врачу, а для больной, чтобы та поняла, какие силы бросает медицина на ее излечение. Олег это понял и произнес, глядя на пациентку:

— Считайте, что вам повезло: Владимир Адамович — самый известный в городе кардиохирург.

Сказал это, и ему показалось, что он и прежде встречал эту женщину.